Текст · 14 августа 2026, 18:47
Елизавета Нестерова, Ольга Ромашова,

«Зерно зла созревает в закромах государственной политики». Последнее слово политика Льва Шлосберга в суде

В Псковском городском суде судья Виктория Малямова приговорила зампредседаля партии «Яблоко» Льва Шлосберга к 11 годам и 1 месяцу заключения за участие в дебатах о войне и репост «Эха Москвы» с обложкой *Daily Mirror* — обвинение считает это повторной «дискредитацией армии» (часть 1 статьи 280.3 УК) и «фейками» о ней (пункт «д» части 2 статьи 207.3 УК). Прокурор Анна Горячева требовала ему на один год больше.

Прения в минувшую пятницу прошли в отсутствие в суде всех трех адвокатов[1] политика. Это не смутило судью, которая постоянно вмешивалась и в последнее слово политика. «Медиазона» с незначительными сокращениями публикует эту речь Шлосберга.

1. Двое не смогли присутствовать в суде, так как задействованы сегодня в других процессах, третий адвокат лежал в больнице и, узнав о внезапно назначенных прениях, приехал в суд оттуда.

— Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. И обвинение, и суд хорошо знают о моей невиновности, тем не менее, в течение всего этого уголовного дела с момента его возбуждения и во время предварительного следствия и во время судебного следствия мои защитники и я заняты тем, что доказываем мою невиновность.

Почему обвинение упорствует в нечестном обвинении, а суд, отклоняя практически все ходатайства защиты, делает все возможное, чтобы не допустить появления в деле новых доказательств моей невиновности? Потому что это политическое уголовное дело. В чем состоит суть и задача политического уголовного дела? В политическом уголовном деле не существует задачи установления истины. Решается только задача покарать человека за его политическую, общественную и гражданскую позицию — часто просто за факт несогласия человека с властью. В политическом уголовном деле нет реально уголовно-правового содержания. Есть имитация следствия и суда для достижения заведомо неправовой цели.

<ÿ.ÿ

— Никакое государственное переустройство, никакое политическое переустройство мира не стоит смертей такого количества людей. Для них все закончилось. У них нет никакого будущего. Они погибли. <ÿ.ÿ

Моя позиция заключается в том, что сейчас необходимо достигать двух соглашений одновременно. Первое — это соглашение о прекращении огня. Но соглашение о прекращении огня, спасающее жизни людей, не будет работать без политических переговоров по всем направлениям. Это касается границ, территорий, обмена пленными...

Судья Виктория Малямова уже не в первый раз прерывает речь Шлосберга.

— Подсудимый, еще раз вас я прерываю и говорю о том, что излагаемые вами обстоятельства не имеют отношения к рассматриваемому уголовному делу. Либо вы будете говорить по существу дела, либо вы уже закончили. Вам нечего больше сказать.

— Ваша честь, мне есть много что сказать.

— Это понятно, что вам много есть, что сказать. Но не надо выступать перед камерами, вы обращаетесь к суду. Видеокамера направлена на вас, и вы туда смотрите.

— Я смотрю на вас, ваша честь.

— Давайте вы пропустите про 2026 год, про мирное урегулирование. Это в другом месте вы расскажете, ну абсолютно неинтересно.

Лев Шлосберг продолжает выступления, касаясь в том числе содержания дебатов, ставших поводом обвинения.

Сегодняшняя актуальная задача только одна — прекращение убийства людей и переход к политическому диалогу. Мы не можем сейчас сказать, сколько продлится и чем завершить этот политический диалог. Но каждый день этого диалога сберегает тысячи и тысячи жизней. Политики должны думать об этом. Историки, на мой взгляд, тоже должны думать об этом. Потому что жертвы прошлой войны мертвы навсегда и никто не вернется. А люди, живые сегодня, еще могут остаться живыми, если будет подписано это соглашение.

Сейчас первое действие — подписание соглашения о прекращении огня без предварительных условий. А дальше начинаются политические переговоры с большим количеством условий и это следующий этап, он должен начаться незамедлительно. Только тогда появится шанс на выход из этого пике.

Я сильно впечатлен тем, как прошли допросы свидетелей защиты. Ни один человек не смог говорить свободно, ни один не смог высказаться полно. Фраза «ваше мнение суд не интересует» не только не основана на уголовном процессуальном кодексе, но и являет собой неуважение к людям. Откуда это неуважение к людям появилось в Псковском городском суде? Что это неуважение должно сказать российскому обществу?

Нельзя не обратить внимание на то, что такое неуважение было проявлено в том числе к людям, которых непосредственно коснулась война и ее трагедия.

К Сергею Дмитриевичу Телевинову, отцу Сергию, родители и сестра которого остались в захваченной вооруженными силами Украины Судже и спасением которых мы занимались вместе. Журналисту газеты «Коммерсант» Александру Евгеньевичу Черныху, военному корреспонденту, который годы провел в зоне боевых действий и коллеги которого по журналистике погибли на войне. В том числе корреспондент Никита Цицаги, о судьбе которого я писал. Также не смог полно высказаться капитан первого ранга запаса Евгений Геннадьевич Васильев, служивший на нескольких флотах. Ко всем этим людям, рисковавшим, каждый на своем месте в свое

время жизнью, было проявлено неуважение суда. Это не является дискредитацией вооруженных сил Российской Федерации?

Я считаю, что уважение к участникам судебного процесса ко всем без исключения является основой состязательного судебного процесса. При отсутствии такого уважения никакой полноценный судебный процесс невозможен. Мы находимся в политическом уголовном деле, возбужденном против меня по заказу обладающих политической властью лиц, которые действуют по мотивам личной, политической, идеологической и, к сожалению, возможно, национальной ненависти ко мне. Их целью является прекращение моей политической деятельности в интересах граждан России и самой нашей страны.

За этим делом следят сегодня миллионы людей. По приговору суда в этом деле люди будут делать вывод о том, в каком направлении будет двигаться не только российская судебная власть, но и Россия в целом как страна в ближайшее время. Это не внутреннее дело Псковского городского суда, Псковского областного суда и Псковской области как региона. Это общероссийское политическое уголовное дело. В глазах большинства российского общества это дело выиграно моими защитниками и мной у государственного обвинения за явным преимуществом.

Вердикт российского общества уже вынесен. Я невиновный человек, против которого незаконно возбуждены уголовные дела, который незаконно

лишен свободы до приговора суда и которого хотят незаконно лишить свободы по приговору суда.

Остался только один вопрос. Совпадет ли приговор суда с вердиктом общества? И это вопрос не только моей судьбы и жизни нашей семьи. Вопрос авторитета судебной власти, вопрос действия или отмены действия Конституции Российской Федерации, вопрос о том, какую ценность имеет сегодня в России человеческая жизнь. Все все понимают, в том числе, все понимает государственное обвинение, в том числе, я уверен, понимает суд. Но из понимания должно следовать действие. Я невиновный человек, я требую у суда оправдательного приговора.

<ÿ.ÿ

Фото: Александра Астахова / Медиазона

С момента принятия Конституции России в декабре 1993 года прошло без малого 33 года. Как наша страна дошла до такой жизни? Каждый год из этих 33 государство совершало действия, отменяющие и умаляющие права и свободы человека. Российское государство, получив уникальное окно исторических возможностей, не смогло избавиться от родовых пятен большевизма.

— Вы уже большевиков вспоминаете! — снова вмешивается судья.

– Большевизм продолжается, ваша честь.

— Нет, про большевиков не надо! Излагаемые вами обстоятельства не имеют отношения к рассматриваемому уголовному делу.

— Ваша честь, я говорю о своих правах и свободах.

— О правах и свободах — в другом месте. Сейчас давайте последнее слово.

— За три десятилетия государство и общество в России прошли от надежд на свободу до фактически полного уничтожения прав и свобод гражданина. Российское государство снова обвинитель, а гражданин — снова подозреваемый, обвиняемый и подсудимый.

Наша страна снова вышла на крутой маршрут XX века, трагическое движение по которому привело к мученической смерти миллионов людей, к десяткам миллионов искалеченных судеб, к бесчисленным и длящимся психологическим травмам.

В XXI веке страну пытаются вести вперед с головами, повернутыми назад. Но куда государство смотрит, туда оно и ведет страну. Вместо будущего — в прошлое. Как далеко может зайти этот заблудившийся в истории путник, не знает никто.

24 февраля 2022 года в нашу страну вернулось военное время, впервые после Великой Отечественной войны.

Это военное время изменило жизнь всех без исключения граждан России. Жизни тысячи тысяч людей были досрочно прерваны за это время. Рано или поздно точное и полное число погибших с именами будет обнародовано и вся живая страна содрогнется от этого мартиролога.

— Подсудимый, ну давайте не устраивать тут пророчества. Давайте по существу. Давайте вы продолжите, но не об этом.

Шлосберг старается игнорировать судью.

— Кто-то после этого обнародования впервые поймет, что произошло, какого масштаба эта трагедия и каким будет ее неизгладимый навсегда человеческий след. На девятый день после начала военной операции, 4 марта, с невиданной ранее скоростью, за один рабочий день, были приняты, опубликованы и вступили в силу законы об установлении административной и уголовной ответственности за действия, которые в этих законах были обозначены как публичное распространение заведомо ложной информации об использовании вооруженных сил Российской Федерации и публичные действия, направленные на дискредитацию использования вооруженных сил Российской Федерации.

Формально эти нормы должны были оградить военнослужащих российской армии, сотрудников других структур, принимающих участие в военных действиях, от уничижительных оценок и действий. В действительности эти новые нормы незамедлительно стали использоваться в целях недобросовестной политической борьбы и прямого

ограничения конституционных прав и свобод человека. Есть много признаков, что именно с этой целью эти законы принимались.

Вот уже много лет — и началось это не 24 февраля 2022 года — орудия государственной пропаганды распространяют чрезвычайно опасный миф о том, что главное право военнослужащего — это право на смерть, право быть убитым, как будто никто из этих людей не имеет права на жизнь.

Кто защитит сегодня в нашей стране право военного человека на жизнь? Кто защитит право матери и отца видеть сына живым? Кто защитит право жены на семью с живым мужем? Кто защитит право любящей женщины на любящего мужчины? Кто защитит право военного человека статьи отцом и увидеть своих детей как малышами, так и выросшими людьми? Кто защитит право детей вырасти при живом отце? Кто защитит право военного человека и его семьи на человеческом счастье?

Законодательство Российской Федерации применяется сегодня таким образом, что, человек, требующий сохранения жизни людей, требующий сострадания и политической ответственности, обвинен в дискредитации вооруженных сил. А люди, требующие продолжения кровопролития, используются обвинением и судом в качестве незаинтересованных свидетелей обвинения. Так зло пытается вытеснить добро из жизни страны.

Ни один из депутатов Государственной думы Росси, проголосовавший 4 марта 2022 года за закон о военной цензуре, не пошел на фронт, не занял место в боевом

строю, не рискнул своей жизнью, не ответил за свое голосование своим действием. Все струсили. Все представили себя защитниками государственных интересов, не выходя за пределы Охотного ряда.

Судья снова вмешивается.

— Подсудимый, давайте вы здесь никого обвинять не будете.

— Но трусость, прикрываемая государственными интересами, становится подлостью.

— Не для этого вам было предоставлено последнее слово.

— Ваша честь, мне предоставлено последнее слово, чтобы защищать себя и свои права перед судом.

— Но не обвинять никого.

Шлосберг вздыхает.

Фото: Александра Астахова / Медиазона

— Кто защитит в нашей стране право каждого человека на жизнь? Фундаментальное право, без гарантий которого невозможно защитить и осуществить все остальные права и свободы человека и гражданина. Конституция России, уже многократно политая слезами и кровью, утверждает,

что право человека на жизнь неотчуждаемо и не подлежит никаким ограничениям. Это право в соответствии с Конституцией должно определять смысл и содержание законов, деятельность всех органов государственной власти, и обеспечиваться правосудием.

Конституция не просто гарантирует право каждого гражданина на жизнь как на физическое существование. Конституция России гарантирует проведение такой государственной политики, которая направлена на обеспечение условий для достойной жизни и свободного развития человека. Каждого человека.

Достойная жизнь — это жизнь без страха за себя, своих родителей, детей и внуков. Достойная жизнь — это понимание человеком своего будущего и будущего последующих поколений, как своей семьи, так и общества в целом.

Достойная человека жизнь — это жизнь без войны, без ежеминутной угрозы внезапной смерти. Достойная жизнь — это гражданский диалог и гражданский мир в стране. Достойная жизнь возможна только в условиях мира.

Мир является условием жизни каждого человека. Свободное развитие человека...

Судья снова его прерывает.

— Подсудимый!

— Да, ваша честь?

— Ближе к делу, пожалуйста.

— Я исключительно по делу. Я о себе говорю, ваша честь. Здесь меня судят.

— Вы про других говорите.

— Я про всех говорю. И про себя тоже.

— Про всех не надо.

— Про себя. Свободное развитие человека — это возможность свободно писать и говорить, не опасаясь быть лишенным за это свободы. Свободное развитие человека — это право свободного и безопасного критиковать государство и любую ветвь его власти: законодательную, исполнительную и судебную. Любое должностное лицо — от рядового чиновника до главы государства.

Свободное развитие человека требует уважения государства к человеку и человеческому достоинству каждого человека. Свободное развитие человека невозможно без того, чтобы государство поставило человека в центр всей своей политики. Сделало человека высшей ценностью и смыслом своей политики. <ÿ.ÿ Государству никем не предоставлено и никем не может быть предоставлено право разрушать достойную жизнь и ограничивать свободное развитие человека.

Формула сильного и здорового государства: государство для человека, а не человек для

государства. За эту истину уже заплачено многими человеческими жизнями.

В условиях военного времени, защита права человека на жизнь, достойную жизнь, в мирной и свободной стране, становится долгом всех ответственных политиков.

Всех добропорядочных граждан, всех, кто понимает необходимость мирного и свободного будущего в нашей стране. У каждого человека есть право на будущее. Без возвращения права на жизнь политика теряет смысл. <ÿ.ÿ Будущее всей страны начинается с права человека на жизнь.

Судья Малямова снова требует, чтобы Шлосберг вернулся к «предмету рассмотрения».

Именно с этим предметом я сейчас и выступаю, ваша честь. История нашей страны за последние полтора века — это история череды войн.

Крымская война, 1853-1856 годы. Русско-турецкая война, 1877-1878 годы. Русско-японская война 1904-1905 годов. Первая Мировая война, 1914-1918 годы. Гражданская война 1917-1922 годов. Советско-финская война 1939-1940 годов. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. Война в Афганистане 1979-1986 годов. Первая (1994-1996 годы) и вторая (1999-2009) — Чеченские войны. С 2014 года локально, а с 2022 года полномасштабная военная операция в Украине. Это без упоминания локальных боевых конфликтов, в которых принимали участие военнослужащие царской, советской и российской армии — иногда явно, иногда тайно.

До сих пор не составлен полный список погибших и по множеству имен он уже, скорее всего, не может быть восстановлен. О месте гибели и о месте захоронения миллионов людей ничего неизвестно. Миллионы могил уже не могут быть и не будут найдены никогда. И в этом смысле войны прошлого продолжаются, потому что война не закончена до тех пор, пока не похоронен последний погибший ее солдат. Погибшие на войне...

— Подсудимый Шлосберг!

— Да, ваша честь?

— Изложенные вами обстоятельства не имеют отношения к рассматриваемому уголовному делу.

— Ваша честь, я говорю о погибших на войне.

— Нет! Вы можете об этом рассказать, но не здесь, не в зале судебного заседания. Никакого отношения

погибшие на войне не имеют к рассматриваемому делу.

— Ваша честь, в своем последнем слове я защищаю себя всеми доступными мне и не запрещенными способами.

— При этом вы не должны говорить...

— Ваша честь, все происходящее в нашей стране сейчас имеет отношение к этому делу. Позвольте мне завершить последнее слово таким образом, чтобы моя позиция была ясна.

— Сколько у вас там еще?

— 10 минут.

— И вы будете говорить по существу?

— Только по существу.

— Ну посмотрим.

— Погибшие на войне...

Судья тяжело вздыхает и поднимает голос.

— Шлосберг! Вы не знаете, где выступить? Вы используете суд как трибуну?

— Последнее слово гражданина — это его последняя трибуна всегда и везде. Я выступаю перед вами.

— Вы опять неправильно все понимаете!

— Я отличаюсь тем, что я правильно все понимаю. Погибшие на войнах — это огромная страна, наполненная людьми, которым не дали возможность прожить свою жизнь и дать жизнь следующим поколениям. Безмерные, зияющие, невосполнимые навсегда провалы в человеческой истории России. У кого болит сердце за этих несбывшихся людей? Кому и для чего нужно продолжение традиций безостановочного кровопролития, повторяющегося из поколения в поколение жертвоприношения?

Кладбища сегодня в нашей стране, в том числе военные, растут намного быстрее, чем родильные отделения, детские сады и школы. Россия нуждается сегодня в мире как условии сохранения жизни в стране. Возможно, кто-то считает народ неисчерпаемым источником и человеческой в целом, и в частности военной силы. Источник, конечно, животворный, но как и любой источник, народ нуждается в заботе и уходе. Источники нельзя засорять, источники нельзя заглушать. Источники нельзя отравлять.

Судья Малямова снова пытается остановить Шлосберга, он снова спорит.

— Ваша честь, это выступление касается меня в каждой букве. Я писал его собственноручно для того, чтобы защитить себя в этом последнем слове.

— Вам так кажется.

— Это мое мнение, ваша честь, я имею право в последнем слове выступать со своим мнением.

— Подсудимый, не спорьте, — заводится судья и ссылается на уголовно-процессуальный кодекс, пытаясь заставить политика говорить только об уголовном деле.

— Я не спорю, ваша честь. Я заявляю свою позицию.

— Вы не умеете вычленить из текста нужные вещи?

— Ваша честь, я написал этот текст всем сердцем. И я включил в него только те вещи, которые, в моем понимании, соответствуют существу рассматриваемого уголовного судопроизводства. Я прошу вас дать мне возможность завершить мое последнее слово так, как я его выстроил. И вы в дальнейшем примете ваше решение.

Судья вновь напоминает ему про обещание закончить через 10 минут и говорит, что текст выступления можно приобщить и в письменном виде.

Фото: Александра Астахова / Медиазона

— Источники нельзя использовать не по назначению. Нельзя произвольно менять направление естественного движения вод в источниках. Естественное направление движения народа — жизнь. Так установлено природой. Так задумано Богом. Все естественные инстинкты человека направлены на жизнь. Все, что требуется от государства в широком смысле, — это

создавать условия для жизни народа. И смерть при естественной системе жизни становится естественной, потому что естественная смерть — это финальная часть естественной жизни. Государство, которое не гарантирует и не обеспечивает право человека на жизнь, не выполняет своего главного предназначения — признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Государство, которое не гарантирует и не обеспечивает право человека на жизнь, отрицает человека, его права и свободы как высшую ценность.

— Подсудимый! Вы представляете, как у вас ваше последнее слово будет секретарь писать?

— Ваша честь, я обещаю предоставить секретарю исчерпывающий текст.

— Когда?

— После завершения выступления сразу.

— Тут монография у вас какая-то, а не последнее слово.

— Бывают разные последние слова, ваша честь. Государство...

— Не про государство!

— А судит меня государство, ваша честь. И уголовное дело против меня возбудило государство. Поэтому я говорю о государстве, потому что оно в этом деле так наследило, что следующим поколениям

государственных людей предстоит огромный объем работы.

— Ваше уголовное дело еще не рассмотрено.

— Поэтому я выступаю перед вами, ваша честь, с моим последним словом.

— Вы подменяете понятия совсем.

— Благодарю вас.

— Вы же давайте все-таки, раз находитесь в суде... Продолжайте, — машет рукой судья.

— Государство, которое не гарантирует и не обеспечивает право человека на жизнь, отрицает человека, его права и свободы как высшую ценность. Государство, которое не гарантирует и не обеспечивает право человека на жизнь, становится обвинителем в судебных процессах против людей, защищающих право человека на жизнь. Становится защитником смерти и ее проводником в стране, где женщины боятся рожать детей, потому что не понимают, какое им предстоит будущее — мирное или военное.

История нашей страны в новое и новейшее время — это история, за исключением считаных десятилетий, перехода от войны к войне, когда новые пожарища ползут по земле, еще не освобожденной от снарядов минувшей войны. Земля не успевает залечить раны одной войны, как начинается другая. Чудом родившиеся дети, внуки и правнуки погибших на одной войне гибнут на следующих. Круги

жизни разрываются и превращаются в круги смерти. А против тех, кто пытается сохранить круги жизни, возбуждаются уголовные дела, сшитые оправданиями смерти. Эти красные, по существу, нити — прямое продолжение политых кровью и слезами переплетов уголовных дел двадцатого века.

Одним из важнейших факторов при разворачивании репрессий в нашей стране в двадцатом веке было срастание силовых структур с фактической политической властью. Сращивание и прямое соединение силовых структур с институтами политической власти сделало правоохранительные органы не только приводными ремнями репрессий, которые определяли конкретные имена и целые списки репрессируемых, когда репрессиям подвергались целые сословия по признакам политической, идеологической, классовой, социальной, религиозной, национальной ненависти и вражды.

Структуры, организующие и исполняющие репрессии, формировали под себя нормы уголовного права. Толкование этих норм, как правило, чрезвычайно широкое, и правоприменительную практику. Эта практика клонировалась по всей стране, обрастая новыми изобретениями конкретных следователей, прокуроров и судей. Машина политических репрессий была организована таким образом, что принять политическое решение о судьбе человека мог даже рядовой следователь. Вертикаль репрессий держалась на возможности абсолютного произвола на любом ее уровне. Суд выступал штамповщиком обвинительных приговоров.

Машина репрессий держалась на презумпции виновности любого человека, который попадал в жернова репрессий по любой инициативе, в том числе по заведомо ложному доносу. Именно тогда появилась формулировка «органы не ошибаются». Когда после смерти Сталина в 1953 году машина репрессий была приостановлена, то фактически первым решением политического руководства СССР было решение о лишении силовых органов политической власти, что не остановило в полной мере, но существенно ограничило произвол. Именно благодаря политическим решениям был начат процесс реабилитации, когда те же суды, те же судьи, которые выносили обвинительные, в том числе смертные приговоры, стали выносить оправдательные за отсутствием состава преступления. Только вернуть людям жизнь, здоровье и время было уже невозможно.

После 2021 года силовым структурам в нашей стране предоставляются фактические полномочия политической власти, что привело к резкому росту уровня бесправия, беззакония и произвола. Предоставление силовым структурам политической власти, фактического права принимать политические решения лишило российские суды независимости. Лишение судов независимости приводит к разрушению судебной власти как высшей власти.

Репрессивное законодательство, созданное в нашей стране в XXI веке, извратило суть, цели и задачи деятельности правоохранительной и судебной системы России. Законы, напрямую умаляющие и отменяющие конституционные права и свободы

человека и гражданина, в строгом соответствии со своим замыслом стали орудием внеправовых преследований граждан со стороны государства. Право и закон разошлись так далеко друг от друга, как никогда за все постсоветское время. Антиправовой закон разрушает государство быстрее, чем коррозия разрушает металл.

Предметом тысяч и тысяч уголовных дел стало преследование людей за их убеждения: мирные, ненасильственные, гуманистические. Задачей тысяч и тысяч уголовных дел стало подавление инакомыслия и воспроизводство страха в обществе. Заключают в тюрьму одного человека, а страх заползает в сердца миллионов людей. Распространение страха в обществе от действий правоохранительных органов изменило восприятие этих структур людьми. Люди стали бояться сотрудников силовых структур, воспринимать их как источник возможной опасности, а не защиты своих интересов, прав и свобод. Я хорошо знаю, как добросовестные сотрудники силовых структур тяжело переживают такие перемены.

В стране извращено само понятие преступления как реального общественно опасного деяния. Преступлением, согласно новым законам, стало свободное выражение своих мирных убеждений. Выступление в защиту человеческого достоинства. Протест против насилия. Несогласие с ложью. Сострадание, сочувствие, милосердие к людям. Добродетель преследуется. Пороки поощряются и превозносятся. Царицей доказательств стали доносы и прямые лжесвидетельства.

Появились целые гроздья преступлений, в которых отсутствуют потерпевшие и правовые последствия. Государство считает таким потерпевшим себя, то есть действующую власть, но стыдливо умалчивает об этом. Ложно понятный авторитет власти стал предметом защиты этих новых законов. Власть словно одушевляет себя и себя — саму себя, не человека — признает высшей ценностью. Это очень стыдно. Но стыд может испытывать только человек, знающий, что такое страдание и милосердие.

Кому из участников боевых действий новые репрессивные законы помогли сохранить жизнь? Для кого они сберегли родных и близких. Кому позволили сохранить честь и достоинство? <ÿ.ÿ Самое разрушительное воздействие новые репрессивные законы оказали на судебную систему в России. <ÿ.ÿ Суды есть — а правосудия нет.

Разрушение судебной власти равнозначно разрушению самого государства. Отсутствие правосудия является диагнозом отказа государства от судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. <ÿ.ÿ Я очень надеюсь, что у нынешних обвинителей будут хорошие дети: умные, честные, справедливые, благородные. Рано или поздно они спросят своих родителей о том, что и почему происходило в нашей стране в нынешней время, о том, кто, где и кем работал, что делал, чего достиг, что принес в жизнь общества. Каждому человеку важно оправдание своей жизни: оправдание от слова «правда». Ведь только правда приносит в жизнь смысл. А если в жизни не было правды, то что скажет человек, представ перед высшим судом?

<ÿ.ÿ

Фото: Александра Астахова / Медиазона

Мирное несогласие с государством криминализовано и в законодательстве, и в правоприменительной практике. На смену гражданскому диалогу и дискуссии пришли уголовный кодекс, следственные органы и суды.

Сила доказательств правоты государственной политики измеряется в годах лишения свободы для публично несогласных и в волнах удушающего страха для молчащих несогласных. <ÿ.ÿ Новые репрессивные законы делают российское общество снова классовым, возвращают его на век назад. Классовое общество всегда держится на диктатуре правящего класса, сословии людей, монополизировавших государственную власть и злоупотребляющих этой властью в своих интересах. <ÿ.ÿ Тот, кто диктует, не слышит никого, кроме себя. Если же в поле зрения такого государство попадает несогласный с его политикой человек, государство воспринимает этого человека не как партнера по диалогу, а как противника — и видит его через прицел специально разработанного законодательства.

Уничтожить условия для гражданского диалога в стране может только государство. Гражданский диалог — это естественное состояние общества. Но при разрушении прав и свобод человека

гражданский диалог невозможен. Там, где государство воспроизводит страх, люди не будут говорить. А без гражданского диалога невозможен гражданский мир в стране.

Создание государством условий для роста ненависти и вражды запускает самый для общества процесс — процесс расчеловечивания людей. Ненависть и вражда расчеловечивают. Расчеловечивание будит в людях жестокость и непримиримость. Готовность доказывать свою правоту не просто силой, а с помощью репрессивных механизмов государства. Вместо необходимости говорить и спорить появляется возможность показать человека за его мысли и слова.

Языком расчеловеченных людей становится язык ненависти. Такой язык делает гражданский диалог невозможным. Невозможно добиться сострадания и милосердия на языке ненависти. Государство несет всю полноту ответственности за моральное состояние общества. Зерно зла быстрее всего созревает в закромах государственной политики, когда из них изгоняются права и свободы человека и гражданина.

До какого состояния может дойти классовое общества, наша страна уже видела на политических процессах 20 века и заказных митингах, сопровождавших эти процессы. Одни люди публично ненавидели других людей и считали это выполнением своего гражданского долга. Государство стимулировало политическое и нравственное развращение человека. Именно в таких развращенных ненавистью людях она видела

свою опору. Именно такими людьми она хотела манипулировать и управлять.

Миллионы личных и семейных трагедий состоялись в атмосфере ненависти и вражды. Миллионы судеб были искалечены навсегда. Государство вложило в строительство бастионов ненависти и вражды все свои ресурсы. Но в конечном счете у него ничего не получилось. Естественная человеческая природа отвергла чуждые человеку установки государства, основанного на лжи и насилии. Люди перестали поддерживать власть на психологическом уровне. После этого в нашей стране сменился общественно-политический строй.

Где мы находимся сейчас? Пройдена ли уже точка невозврата? Или российское общество найдет в себе силы и для сохранения человечности, и для влияния на политику государства, отказавшегося от своего предназначения?

Сторонники и организаторы репрессий всегда считают, что репрессивная политика навсегда ли, во всяком случае, на их век хватит. Что будет потом, за пределами собственной жизни, как правило, их не волнует. Люди, производящие бесправие, жестокость и ненависть, не любят думать о будущем, потому что, думая о будущем, человек думает о других, а не о себе. Жестокость и ненависть всегда очень увлечены настоящим, в котором, как им кажется, они властвуют безраздельно.

Обвинители всегда хотят поставить точку в истории. Но великая и живительная сила истории состоит в том, что история никогда не заканчивается.

За три с половиной десятилетия Россия прошла путь от воодушевления до отчаяния, от надежды до разочарования. От восторга от внезапной свободы до страха перед свободой. Из этих отчаяний, разочарований и страха выросло нынешнее время, в котором тот, кто считает человека высшей ценностью, лишен свободы. А тот, кто ни во что не ставит человеческой жизнью — все, кроме своей — действуют от имени государства. Видеть и понимать это морально тяжело. Но сегодня мы находимся здесь.

Так сложилась наша история. О причинах этой катастрофы — а это подлинная национальная катастрофа — уже сказано и еще будет сказано много. Стране еще предстоит год за годом перелистать страницы минувших десятилетий и пересчитать все шаги на дороге, которая привела нас в сегодняшний день. Это необходимо сделать для того, чтобы изменить наконец крутой маршрут, по обе стороны которого — тюремные камеры и могильные рвы.

Фото: Александра Астахова / Медиазона

Россия более чем достаточно заплатила за несвободу. Но, очевидно, надо заплатить еще.

Впереди у нас новое окно исторических возможностей. Мы не знаем, когда оно откроется, когда свет станет достаточно сильным для того, чтобы раздвинуть и рассеять мрак. Но это непременно произойдет, потому что законы истории, как и законы природы, сильнее волюнтаризма временных правителей. Никто в истории еще не смог обмануть время. В отличие от добра, у зла нет доступа к бессмертию.

Когда мир и свобода придут в нашу страну,
мы предложим нашим сегодняшним обвинителям выучить...

Судья снова подскакивает.

— Вы это кто? Вы про себя говорите?

Шлосберг игнорирует судью и продолжает.

— Мы предложим нашим сегодняшним обвинителям выучить...

— Подсудимый! Подсудимый! От себя говорите. «Я» говорите.

— Я предложу своим нынешним обвинителям выучить всего одну песню. Колыбельную. В которой мама обещает своему малышу счастливую жизнь.

Адрес для писем политзаключенному:
180000, г. Псков, ул. Некрасова, д. 39, ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Псковской области, Шлосбергу Льву Марковичу 1963 года рождения.

Написать письмо можно через сервис «-Зонателеком».

О том, как писать письма политзаключенным, мы подробно рассказывали в нашей видео-инструкции-

.

Редактор: Егор Сковорода

Обновлено 17 августа в 17:34. Добавлена информация о вынесенном Шлосбергу приговоре.